Извечная дилемма: форма и содержание (современная практика защиты диссертаций)

Людмила Петровна АНУФРИЕВА,
профессор кафедры международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук

ЗАДУМЫВАЯСЬ НАД ДИССЕРТАЦИОННЫМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ И ИХ ЗАЩИТАМИ: ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ ОЦЕНКА «ПО ГАМБУРГСКОМУ СЧЕТУ»

L. P. ANUFRIEVA,
Professor of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law)

THINKING ABOUT DISSERTATION RESEARCH AND THEIR DEFENSES: WHAT DETERMINES THE ASSESSMENT OF THE “HAMBURG SCORE”

В настоящее время при Московском государственном институте международных отношений (Университете) Министерства иностранных дел России действует диссертационный совет, который работает по «нетрадиционному формату» отбора, принятия к защите и публичной защиты диссертационных работ, который допускается в соответствии с Федеральным законом от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», Федеральным законом от 23.05.2016 № 148-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ “О науке и государственной научно-технической политике”», постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с Положением о присуждении ученых степеней), распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.08.2017 № 1792-р, Уставом МГИМО МИД России и иными локальными нормативными актами (см. приказ от 25.04.2019 № 444 в редакции приказа от 10.10.2019 № 999).

Иными словами, как и некоторые другие диссертационные советы, созданные при вузах (в частности, при Санкт-Петербургском государственном университете), данный совет апробирует иные, нежели предусмотренные ВАК, практику отбора, аттестации и критерии защиты диссертационных исследований, представляемых на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

Одно из таких рассмотрений научных работ на соискание ученой степени доктора юридических наук прошло 17.12.2020 по диссертации И. М. Лифшица.

Предлагаемый в настоящей статье обзор диссертации Ильи Михайловича Лифшица «Теоретические основы взаимодействия международного финансового права и права Европейского Союза», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук, имеет целью сообщить интересующейся аудитории наглядную информацию, касающуюся актуальности, новизны, уровня

качества, оценки достигнутых научных результатов и т.д. для формирования компаративного взгляда на реалии защиты и требования к диссертациям, отражаемые в отзывах, конструируемых по новым подходам и алгоритмам, в сравнении с «ортодоксальными».

Актуальность темы диссертационного исследования

Диссертация И. М. Лифшица посвящена одной из проблем современного международного права, которая в течение многих десятилетий находится в круге внимания юридической науки, но и поныне не утрачивает современного звучания. Главный вопрос, сформулированный в наименовании работы, включает в себя множество различных аспектов, требующих не только всестороннего осмысления с содержательной точки зрения, но прежде всего определения существа соотношения сопоставляемых явлений: международного финансового права и права Европейского Союза — с позиций методологии исследования.

Традиционным аспектом взаимодействия в праве, подвергающимся рассмотрению в теории международного права, выступает вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права как двух самостоятельных систем права. В данном случае ракурс совершенно иной и гораздо более сложный. Речь идет, во-первых, о взаимодействии двух явлений внутри самого международного права, во-вторых, о взаимодействии неравноценных нормативных (и не только) образований: с одной стороны, подотрасли одной из отраслей международного права (международном финансовом праве — части международного экономического права), а с другой — особого («автономного», «специального» или «договорного», как именуют подобное явление в литературе) режима в рамках международного права, т.е. о праве интеграционного объединения (праве Европейского Союза).

Не приходится удивляться тому, что «корневая» проблема по отношению к проблеме, поставленной в диссертационном исследовании, — соотношения международного права вообще и права Европейского Союза как отдельного интеграционного объединения — в течение многих лет продолжает оставаться востребованной. Это происходит в силу того, что по мере развития интеграционных процессов имеет место нарастание обстоятельств, обусловливающих возникновение в действительности все новых проявлений той проблемы.

Однако в представленной диссертационной работе автор обратился к специфическому «срезу» общеюридической проблемы, а именно к взаимодействию двух неравнозначных частей международного права.

Достоверность и новизна результатов диссертации

Вышеназванный аспект обладает безусловной новизной. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается общепринятой методологией научного поиска, широчайшим списком использованных (причем с отражением впрямую в тексте диссертации!) источников нормативного и доктринального характера, относящихся зачастую к зарубежным публикациям на иностранных языках.

В свете важности демонстрации новизны результатов исследования заслуживают особого внимания как подходы автора к композиции (структуре), а значит, и содержанию диссертации, так и положения, обеспечивающие нетрадиционный взгляд на международное взаимодействие систем международного и внутригосударственного права, а также слагающих его в той или иной мере отдельных подсистем. В рассматриваемой научной работе речь идет о дифференциации видов, уровней, предметов, целей, задач взаимодействия международного права в целом и его различных структурных формирований (отраслей и подотраслей), а также не подчиняющихся системным международно-правовым требованиям структур иного типа, каковым является право ЕС. В рамках данного подхода включаются в круг внимания, подвергаясь анализу, разнообразные по своей юридической и научной значимости проблемы соотношения международного финансового права и права ЕС.

В этом плане не со всеми выкладками и суждениями диссертанта в части, например, общей парадигмы соотношения права ЕС и международного права, можно согласиться, но авторское мнение сохраняет элементы новизны. Так, автор пишет: «Соотношение разных правовых режимов в международном праве, как известно, не является иерархическим, за исключением отношений, связанных с применением норм *jus cogens и обязательств из Устава ООН*» (с. 238).

Действительно, Устав ООН обязывает соблюдать определенные положения даже государства, не являющиеся членами ООН. ЕС и государства, входящие в его состав, не составляют исключения. Этот вывод, безусловно, заслуживает всецелого одобрения. Однако далее в работе указывается, что «в правопорядке ЕС устанавливаются собственные когентные нормы (прежде всего нормы о защите прав человека), которым такой статус придается исключительно институтами по отношению к нормам международного права».

Сто́ит подчеркнуть: в данном случае диссертант приближается к ряду насущных для теории международного права вопросов (критерии «когентности» норм jus cogens, «региональное jus cogens», соотношение «общих» (универсальных) норм международного права и, соответственно, «императивных норм общего международного права» и региональных императивных норм — jus cogens и т.д.), но не углубляется в них, что составляет немалое упущение с научной точки зрения. Думается также, что некоторые из процитированных диссертационных положений, в частности констатация того, что не право ЕС «проверяется» нормами международного права, в том числе jus cogens, а наоборот — международное право в общем порядке проходит «верификацию» на соответствие праву ЕС, не внушают доверия.

Между тем именно нормы Устава ООН расставляют здесь все точки над «i». Да и сама практика Суда ЕС едва ли не говорит об обратном. Так, в деле «Kadi v. Council and Commission»[1], которое, кстати, в деталях раскрывается в диссертационной работе, Суд первой инстанции Суда ЕС охарактеризовал *jus cogens* как «свод наивысших норм международного публичного права». И даже если практика названного судебного учреждения в упомянутой части не является устойчивой (в диссертации оправданно указывается и на это), то при всех про-

[1] Yassin Abdullah Kadi v. Council of the European Union and Commission of the European Communities [2005] ECR II-3649 (21 September 2005), para. 226.

чих условиях бóльшим весом обладает та соответствующая его правовая позиция, которая получила положительный отклик в международном масштабе. Как известно, вышеназванная квалификация поддержана КМП ООН, а также европейской доктриной[2].

Новаторским в целом нужно признать замысел построить в диссертационном исследовании типологию взаимодействия в рамках системы международного права, его подсистем, структурных частей и в определенной мере «выпадающих» из системы образований — права ЕС (а вместе с ним и иных сходных примеров «коммунитарного права»). Однако нельзя не оговориться, что данная попытка не лишена изъяна. Глава 2, посвященная типологии, перечисляет направления поиска и предмет исследования: модели взаимодействия — «международное и национальное», «международное и отрасли/подотрасли», «теоретическая модель взаимодействия международного права и права ЕС в контексте фрагментации международного права» (с. 136 и сл.).

В приведенном перечислении, как видно, нет типологии как таковой, т.е. ее понимания, обоснования и раскрытия содержания архетипа, четкого структурирования, особенностей отдельных видов (типов) взаимодействия друг к другу и т.д., в том числе развернутого теоретического представления связей / обратных связей между ними (иными словами, взаимодействия в полном смысле этого слова).

Бóльшую часть материала составляет практика Суда ЕС, аргументирующая примат права ЕС над национальным правом, «прямое применение» права ЕС в национальной системе государств-членов. В представленной «дидактической» форме перечисленные «модели взаимодействия» привносят «ослабляющий эффект» к указанной оригинальной постановке вопроса, так как их никак нельзя ставить в один ряд (это не однопорядковые вещи) ввиду того, что одни из них относятся к межсистемному взаимодействию, а другие — к структурному.

Соотношение международного права с его отраслями не может быть примером и тем более образцом для взаимодействия международного права и «договорного» или «специального/автономного» режима: в одном случае вертикаль, в другом — горизонталь. В свете этого представляется, что подход к связке «международное право — автономный договорный режим» должен быть иным.

Аспект же взаимосвязи международного права с правом ЕС через призму рассмотрения последнего в сопоставлении с так называемым «общеевропейским правом» и вовсе кажется антинаучным, так как географический критерий («европейское», «африканское», «азиатское» и т.д. право) мало пригоден как для оценки правообразования, так и для вычленения сущностных качеств соответствующих правовых систем и установления их характеристик. Однако диссертация исходит из подобных «вводных»: в европейском международном праве отражена концепция, согласно которой «право ЕС входит в совокупность

[2] См.: International Law Commission. Sixty-ninth session. Geneva, 1 May — 2 June and 3 July — 4 August 2017. Second report on *jus cogens* by Dire Tladi, Special Rapporteur. Doc. A/CN.4/706 ; *Conklin W.* The peremptory norms of the international community // European Journal of International Law. 2012. Vol. 23, No. 3.

европейских международно-правовых конструкций в качестве субрегионального института, но оно не может претендовать на роль общеевропейского» (с. 20).

Для современного мира характерными тенденциями в развитии международных отношений выступают регионализация правового регулирования различных областей общественной жизни и институционализация в ходе осуществления интеграционных процессов. Европейский Союз представляет собой пример международной организации интеграционного типа, члены которой наделили ее значительным объемом полномочий, в том числе в финансовой сфере. Так, в ЕС на сегодняшний день разработана собственная обширная система правовых актов, нормы которых призваны упорядочивать валютные, кредитные, бюджетные отношения, возникающие в связи с необходимостью поддержания равновесия платежных балансов, а также отношения по организации рынка оказания финансовых услуг в масштабе объединения и вне его контура.

Вступая в различные международные организации, призванные координировать действия государств и иных субъектов международного права в сфере финансов, и являясь в то же время стороной многих международных договоров, ЕС, будучи самостоятельным субъектом международного права, берет на себя обязательства следовать существующим в данной сфере международно-правовым нормам. Вместе с тем, поскольку ЕС принимает значительное количество собственных правовых актов (регламентов и директив), «право интеграционного образования» не может не учитывать и другие правила международного общения — «общее международное право».

Таким образом, неотъемлемым ракурсом взаимодействия как предмета исследования служат влияние международного финансового права на финансовое право ЕС, а также противоположный вектор влияния.

Российская Федерация, в свою очередь, является участником международной организации региональной экономической интеграции — Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в рамках которого предусматривается создание общего финансового рынка. Как и ЕС, ЕАЭС предстоит следовать международным правилам и стандартам в финансовой сфере. В свете этого представляется небесполезным при углублении интеграционных процессов в рамках ЕАЭС учитывать (несомненно, с критическим подходом) в том числе и опыт ЕС, возможно, наряду с опытом других интеграционных образований.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что тема исследования имеет большое практическое значение для всего массива международного публичного и частного права.

Достоинством диссертации, раскрывающим достоверность содержащихся в ней выкладок, вне всяких сомнений, является, как указывалось, солидная научная и нормативная база, особенно привлечение значительного объема материалов, демонстрирующих практику международных судебных учреждений в исследуемой сфере (более 120 актов, включающих более 100 решений Суда ЕС).

Отдельные замечания по концептуальной основе и содержанию исследования

1. Раздел 2.1 диссертации (с. 128 и сл.) — о принципах, их дифференциации, понятиях, видах и т.п. Категорически сто́ит возразить против присутствующего в диссертации отождествления (хотя и со ссылкой на КМП) «общих принципов права» и «общих принципов международного права» (которые, пожалуй, отсутствуют), а также против трактовки (и тоже со ссылкой на КМП) ст. 38 Статута Международного Суда ООН как «перечня источников международного права» (с. 63—67), что не раз составляло предмет российских публикаций ввиду расхождения с теорией и несоответствия действительности[3].

2. Разработка понятий «система права» (с. 248 и сл.), «прямое действие международных договоров» и ряда других осуществлены без должного творческого осмысления и — главное — без критического взгляда в отношении используемых тезисов других юристов-международников. Так, приводя позиции разных авторов (Е. Т. Усенко, Д. И. Фельдмана, В. В. Гаврилова, С. Ю. Марочкина и др.) по вопросам компонентов и концептуальных представлений о «системе права» и «правовой системе», диссертант без колебаний в связи с вопросом о правовой системе Российской Федерации воспринимает такое мнение: «...в своей совокупности самоисполнимые нормы международного права, нормы права иностранных государств, способные выступать в качестве регуляторов общественных отношений в нашем государстве, и нормы национального права формируют не правовую систему Российской Федерации, но некую иную общность совершенно иного порядка, еще не известную теории нашего права» (Б. Н. Нефедов).

Здесь, конечно, имеет место смешение совершенно разных явлений.

Во-первых, речь идет об исполнении государствами своих международно-правовых обязательств, которые не могут поступить иначе, кроме как привести в соответствие с положениями договоров свое внутреннее законодательство (и даже в отдельных случаях правопорядок в целом); вследствие этого вести речь необходимо о положениях не только «самоисполнимых» международных соглашений, а обо всех международных договорах, участником которых является данное государство. В вышеупомянутую «некую иную общность совершенно иного порядка» нужно добавить и принципы (основные принципы), принятые международным сообществом и ставшие для него «общепризнанными», а также и иные «императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)».

Во-вторых, «компонент» «самоисполнимых соглашений» требует разъяснений: идея акцента лишь на них в целом понятна — здесь имплицитно содержится намек на такую трактовку «самоисполнимости», которая состоит в том, что они будто бы «автоматически» включаются в правовую систему государства (раз не нужно издавать специального национально-правового акта) и «напрямую» начи-

[3] Один из эпизодов обсуждения данного вопроса с ви́дением надлежащего решения см.: *Ануфриева Л. П.* Понятие «источник права» в международно-правовой науке: догма «классики» и современная доктрина // Современное международное право: теория и практика. = Contemporary international law: theory and practice. Liber Amicorum в честь профессора С. В. Черниченко / под ред. Б. М. Ашавского. М. : Оригинал-макет, 2015.

нают действовать, как бы минуя его. Однако это вовсе не так — никакого «автоматизма» во введении подобного рода соглашений во внутригосударственную сферу конкретного государства по-прежнему не существует без соответствующей воли последнего. Как и чем она может быть опосредствована — вопрос другой, но ни одно государство в мире никакое «самоисполнимое» соглашение не оставляет без своей реакции (которая может быть выражена вовне хоть простым его опубликованием, но это будет реализацией воли государства и формой введения акта во внутригосударственную сферу), а следовательно, «самоисполнимость» в известной мере — лишь наименование, причем условное.

Наконец, третье слагаемое, внушающее мысль о «неопознанности объекта», — это нормы иностранного права. Применение норм права иностранного государства в современных условиях — дело обычное. Такое применение обеспечивается в области международно-частноправового регулирования посредством действия коллизионных норм или особых институтов (автономии воли сторон) и общих начал (принципов) МЧП, установленных в национальном правопорядке отдельного государства либо в международном договоре. А в итоге — в любом случае с согласия государства. Иным путем регуляторы общественных отношений в состав права, применимого в пределах власти того или иного суверена, «залететь» не могут. Следовательно, присутствие в рамках правопорядка Российской Федерации либо любого другого государства всех компонентов объективно и субъективно определено и никакой «неизвестности» не составляет.

3. В свете этого принятие «на веру» диссертантом вышеизложенных положений (с. 248—249) вызывает возражение: «Следуя этим верным подходам, обозначим, что... широкое понимание “правовой системы” требует включения в состав правовой системы ЕС, помимо права ЕС, таких элементов, как источники права ЕС, институтов и органов ЕС, а также правоотношений и правовой идеологии...». В последнем пассаже слышится не только рефрен высказываний С. Ю. Марочкина и концепций В. В. Гаврилова, категорически отвергнутых в отечественной юридической литературе по причине несоответствия пониманию теоретиками сущности права, но и их почти буквальное воспроизведение диссертантом уже на материале «конструирования» понятия правовой системы ЕС (с. 243—244).

4. В работе автором предлагается дефиниция (с. 72) международного финансового права (МФП), которая устанавливает объект (именуемый «предметом») правового регулирования и выявляет специфику его источников. В частности, автор использует гомогенный подход к определению природы международного финансового права как неотъемлемой части системы международного права как такового, отводя ему место подотрасли международного экономического права.

Несмотря на существование различных концепций и подходов в теоретическом обосновании характера международного финансового права в силу того, что термин «международный» обладает многозначностью, автор исходит из необходимости прежде всего дифференцировать встречающиеся в действительности различные по своей природе виды международных общественных финансовых отношений. Именно это и составило основу его представлений о существе МФП.

Основные авторские тезисы не вызывают возражений. В частности, спора нет: видовой ряд общественных отношений в международной финансовой сфере, конечно, шире, нежели взаимоотношения лишь государств и иных субъектов международного публичного права между собой. Она должна учитывать и особую разновидность международных отношений — «диагональные» (т.е. отношения между государствами или международными межправительственными организациями, с одной стороны, и физическими и юридическими лицами — с другой), а также и «обычные» частные отношения — те, которые складываются между частноправовыми субъектами.

Диссертант для отграничения «публично-правовых» («междувластных отношений») от частноправовых отношений предлагает вслед за другими представителями науки именовать последние «трансграничными», чему вряд ли можно следовать ввиду слишком большой неточности и условности предлагаемого обозначения («трансграничность» в строгом значении слова далеко не всегда присутствует в таких отношениях).

Но речь о другом: применительно к «диагональным отношениям» налицо явная коллизия: объектом воздействия норм МФП выступают межгосударственные («междувластные») отношения, а указанная вторая группа общественных отношений, входя в международную (в широком смысле) финансовую сферу, не обладает указанным признаком — «междувластностью». Диссертант говорит: частноправовые отношения не могут быть оторваны от той среды, которая создается действиями государств, как односторонне (во внутригосударственной сфере), так и вовне — в международно-правовом масштабе, не обладая коренными качествами, пригодными для объекта регулирования международного финансового права.

Примечательно, что автор останавливается именно на данном объяснении: «не могут быть оторваны»... Вместе с тем «корень» в другом: все дело в том, что диагональные отношения — это то, по поводу чего нередко возникают «междувластные» отношения, подпадающие под действие норм публичного права, и регулируются международным правом в целом и международным финансовым правом в частности. Диагональные финансовые отношения лежат в каждом отдельном случае во власти соответствующего государства и должны регламентироваться им.

Но если имеется международный договор, касающийся каких-либо правил поведения в связи с диагональными отношениями, государство-участник такого договора не может не имплементировать в своей внутригосударственной сфере его положения в целях их применения к подлежащим случаям, выполнив тем самым свое международно-правовое обязательство. В результате объект регулирования МФП не «переродился», оставаясь таким же, но «неотрывность» оказалась ни при чем, природа же международного права и логика аргументации сохранены.

5. Есть некоторые теоретические заблуждения разного уровня значимости. Так, касаясь путей и механизмов взаимодействия, автор пишет: «Можно рассматривать взаимодействие *по источникам международного права* и права ЕС: договор — договор, обычай — обычай, принцип — принцип» (с. 128). В этом плане прежде всего «принципы» приравнены к «источникам права», и это неверно — принципы тоже нормы и источником самих себя в формально-юридическом от-

ношении быть не могут. Помимо же этого, порою вовсе нет адекватности и симметрии в способах, инструментах и средствах взаимодействия — обычай может оказать влияние на закон, а акт международной организации — и на договор, и на внутренний акт государств и т.д.

6. В диссертации подчеркивается, что в настоящее время в ЕС сформирован большой массив правовых актов в сфере финансов, учреждены специальные органы, которые наделены полномочиями по осуществлению регулирования финансовых отношений в рамках ЕС, в силу чего, с авторской точки зрения, возможно говорить о существовании особой отрасли права ЕС — «финансового права ЕС» (с. 92—108 и сл.). В данном отношении некоторые теоретические тонкости анализа проблем, обусловленные различными векторами юридического взаимодействия между системами и менее крупными образованиями (структурными подразделениями), которые объективно имеются в этом плане в связи со структуризацией права, системо- и отраслеобразованием, наличием отдельных групп и «разрядов» норм, «выпали» из круга внимания автора.

Помимо этого, в параграфе 2.6 второй главы (с. 236 и сл.) автор квалифицирует право ЕС в качестве «правовой системы». Аксиоматично, что в мире существуют международное право как система, а также национальные правовые системы государств, образуя систему внутригосударственного права. Право ЕС основано на международном договоре, а потому является лишь примером специального режима, покоящегося на договорном фундаменте, в рамках системы международного права. Если автор исходит из якобы существования права ЕС в качестве так называемой «третьей системы», то подобное утверждение требует тщательного разбора и убедительных аргументов.

7. Замечания частного характера: во введении диссертации поставлены задачи «установить способы формирования норм международного финансового права (МФП) под влиянием органов и институтов ЕС» — хотелось бы знать конкретно, каковы они. Отдельной задачей выступает и определение предметов МФП и финансового права ЕС (с. 11), реализации чего отведено место на С. 92—117. Однако констатация, присутствующая на с. 94, буквально свидетельствует о том, что предметы вышеуказанных сфер права совпадают: «Предметом международного финансового права являются, как было обозначено в первом параграфе настоящей главы, отношения между государствами, международными межправительственными организациями (ММПО), межгосударственными объединениями, а также иными субъектами международного права в следующих сферах: 1) бюджет, валютные отношения, денежно-кредитное регулирование, платежи; 2) кредитные, долговые отношения; 3) налоги; 4) финансовые услуги (банки, страхование, ценные бумаги); 5) инфраструктура финансового рынка (финансовая отчетность и аудит, противодействие отмыванию преступных доходов). Полагаем, что общественные отношения в тех же сферах регулирования (бюджет, налоги, финансовые услуги и т.д.) составляют и предмет финансового прав ЕС». Отсюда вытекает и главный вопрос: если общественные отношения, составляющие предмет регулирования, совпадают, то за счет чего же расходятся способы формирования норм? По логике понимания права, они тоже не должны разниться, но уяснение последнего автор ставит как отдельную задачу?

Заключение

Анализ диссертационного исследования позволяет сделать вывод о том, что разработанные теоретические положения являются личным вкладом автора в развитие международно-правовой науки. Диссертация характеризуется внутренним единством, содержит новые научные положения, свидетельствующие о результативности исследования диссертантом проблем международного права и права Европейского Союза.

С учетом изложенного можно заключить, что представленная диссертация «Теоретические основы взаимодействия международного финансового права и права Европейского Союза» соответствует общепринятым требованиям к диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.10 — «Международное право; Европейское право».

Таким образом, в данном случае можно сделать вывод о том, что на качество диссертационного исследования не влияет формат диссертационного совета на этапе допуска к защите.